

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О СЛОВЕ «СЛАВЕНСКИЙ» У М. В. ЛОМОНОСОВА

С. С. Волков

При изучении дискурса любой творческой личности (а речь в статье пойдет о идиолекте выдающегося человека) особый интерес всегда вызывают частотные, отличающиеся обычно большим семантическим объемом, развитой образностью и богатой гаммой разнообразных, иногда с трудом уловимых современным исследователем коннотаций (идеологических, социальных, культурных и пр.) лексические единицы, являющиеся своеобразными символами, маркерами времени, а иногда и своеобразными сигналами, посылаемыми от эпохи к эпохе, от поколения к поколению. В этой функции (уже как элементы лексической системы языка) они, перемещаясь из одного группового диалекта в другой и обогащая свою семантику результатами новых конкретных реализаций, в пределах широко понимаемой синхронии, связывают воедино системы словоупотребления разных людей, разные личностные и групповые взаимодействия (в т. ч. соревнование и полемику разных школ, групп и литературных направлений), а с диахронической точки зрения – исторически разные культурные контексты применения слова и даже разные языковые состояния.

Традиционно считается, что указанными выше особенностями характеризуются только имена существительные. Однако семантическая история прилагательных, особенно в динамическом аспекте или в идиолекте творческой личности, не менее интересна (ср., например, заметки В. В. Вино-

градова о прилагательных *высокий, низкий, важный, сильный* в стилистической теории М. В. Ломоносова¹). Поэтому в качестве объекта исследования возьмем прилагательное *славенский*: такой выбор нельзя оценивать как случайный, так как это слово отягощено многочисленными коннотациями и, кроме того, входит в состав частотных субстантивных словосочетаний, отличающихся высокой степенью устойчивости. В связи с этим задачей настоящей статьи станет рассмотрение системы употреблений этого слова в текстах и документах М. В. Ломоносова. Это представляется актуальным по нескольким причинам. Во-первых, история этого слова на протяжении всего XVIII века тесно связана с деятельностью первых русских филологов. Во-вторых, анализ «следов былых применений» (В. В. Виноградов) слова *славенский* в наиболее употребительных сочетаниях *славенский язык, славенский диалект, славенский народ, славенское племя* и пр. позволит еще раз эксплицировать линию «доломоносовский период» – «период Ломоносова» – «период деятельности редакции “Словаря Академии Российской”». В-третьих, стоит вспомнить один важный, но незаслуженно пропущенный «круглый» юбилей: в 2008 году исполнилось 190 лет со дня принятия т.н. «нового» или «второго» академического устава (подготовлен при энергичном участии А.С. Шишкова), призывавшего членов Академии к активному изучению славянского мира и славянских языков². В-четвертых, и это, возможно, самое главное, «лингвобиографическое» научное описание слова, т. е. рассмотрение слова в пределах идиолекта личности на фоне ее биографии, будет весьма полезно для составления «Словаря языка М. В. Ломоносова», работа над которым ведется в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), и, надеемся, для других авторских словарей. Материалом для статьи послужил массив употреблений слова в электронной текстотеке, созданной на основе академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова в 11-ти томах³ (далее – АПСС).

1. Начнем с краткого формально-статистического очерка имеющегося материала. Для этого мы обработали с помощью специальной программы поиска слов весь электронный корпус текстов Ломоносова, подготовленный при участии автора в ИЛИ РАН. Результаты запросов показывают, что

¹ Виноградов В. В. Проблемы стилистики русского языка в трудах М. В. Ломоносова // Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 220–221.

² См.: Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. Л., 1986. С. 49–58; Файнштейн М. Ш. «Усовершенить и возвеличить слово наше...» (Словарное дело Российской Академии 1783–1841). СПб., 1994. С. 40–41.

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1950–1983.

прилагательное *славенский* является, безусловно, статистически доминирующим полнозначным словом, так как получены сведения о 249 его словоформах. Оно фактически уступает по употребительности среди знаменательных слов только некоторым естественнонаучным терминам. Для примера укажем, что такое любимое М. В. Ломоносовым слово, как *атмосфера*, имеет меньшую употребительность – 242 словоупотребления; *тягость* – 228 употреблений, а *барометр* – только 68 употреблений. Укажем здесь же на 2 употреблений в текстах М. В. Ломоносова производного наречия *по-славенски* (только в одном тексте – «Примечаниях на предложение о множественном окончании прилагательных имен», написанных Ломоносовым в 1746 году). Предвидя вопросы, отметим, что вариант *славянский* отсутствует, при этом у М. В. Ломоносова *славянин*, *славяне*, но *славенский*: «Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксолян, народа славенского, и прошли с готфами, славянами ж, от Черного моря к берегам Балтийским, что говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным»⁴. Также и у других современников Ломоносова, например, у Г. Ф. Миллера (перевод на русский язык В. И. Лебедева): «Прадеды ваши, почтеннейшие слушатели, от славных своих дел в древния времена славянами назывались», и в этом же абзаце: «нет ни одного тех времен историка, который бы прежде Юстиниана императора упоминал о народе славенском»⁵. Полностью отсутствует в текстах Ломоносова характерный для памятников письменности предшествующего периода (см. данные «Словаря русского языка XI–XVII веков»⁶) вариант *словенский*, отдельные употребления которого еще встречаются в первой трети XVIII века, например, в «Лексиконе трезычном» Ф. П. Поликарпова⁷ и у В. Н. Татищева: «У нас во многия слова гласныя буквы против словенскаго в середине прибавили, яко пишут: голод, мороз, город»⁸.

Лексема *славенский* представлена в текстах Ломоносова как в формах единственного числа (169 форм, что составляет 68% от общего количества), так и в формах множественного числа (80 форм, т. е. 32%). Оно входит

⁴ Ломоносов М. В. Репорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л. 1952. Т. 6. С. 22.

⁵ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского... в публичном собрании Академии Наук сентября 6 дня 1749 года изъясненное Г. Ф. Миллером // Фомин В. В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 373.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 2000. Вып. 25. С. 95.

⁷ Поликарпов Ф. П. Лексикон трезычный. М., 1704. С. 99.

⁸ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 94.

в атрибутивные словосочетания с существительными мужского (57%), среднего (34%) и женского рода (9%). Среди падежных форм превалируют флексии родительного падежа – 104 (41,8%), далее, по убыванию, следуют формы именительного падежа – 57 (23%), творительного падежа – 29 (11,6%), предложного падежа – 29 (11,6%), винительного падежа – 17 (6,8%; в т.ч. в функции прямого объекта – 12), дательного падежа – 14 (5,6%). Форм звательного падежа в текстах М. В. Ломоносова обнаружить не удалось.

В отношении распределения слова *славенский* по разным текстам М. В. Ломоносова можно сделать следующие наблюдения. Оно не представлено: 1) в естественнонаучных произведениях М. В. Ломоносова, его трудах по астрономии и навигации, научных записках и лабораторных журналах (I–IV тома АПСС); 2) в сочинениях Ломоносова по геологии и минералогии (V том АПСС); 3) в трудах по географии 1763–1765 годов; 4) в обширной личной и научной переписке М. В. Ломоносова (IX–X тома АПСС)⁹. В официальных и деловых (рапорты, проекты, представления, перечни, промемории, прошения, аттестаты и пр.) документах и бумагах М. В. Ломоносова удалось отметить только три употребления, из них 2 – в «Отзыве о “Русской грамматике” А.-Л. Шлёцера» (август 1764 года). Таким образом, большинство словоупотреблений прилагательного *славенский* сконцентрированы в трудах М. В. Ломоносова по истории и филологии (соответственно, VI и VII тома АПСС). Важно и то, что это слово в составе ряда сочетаний – неотъемлемая часть этих текстов и существенная их черта. Что касается поэзии и ораторской прозы (VIII том АПСС), то в этой группе текстов отмечено только одно употребление слова *славенский* – в тексте торжественной оды в честь победы русских войск над шведскими при Вильманстранде 23 августа 1741 года: «За нами пушки, весь припас, // Прислал что сам Стокгольм про нас: // Дает подарок нам в неволю. <...> Подумать было кратко время; // В момент Славенско храбро племя // Успело твой отпор попать»¹⁰: потенциал поэтического образа слово *славенский* только начинает приобретать.

Следует отдельно сказать об употреблении прилагательного *славенский* в отдельных текстах и документах М. В. Ломоносова. Среди текстов

⁹ Язык писем М. В. Ломоносова: материалы для словаря. Казань, 2007. С. 131–132.

¹⁰ Ломоносов М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийского, чрез преславную над Шведами победу Августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства Его Императорского Величества Августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от... Михайла Ломоносова // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 49.

по русской истории первое место по количеству употреблений занимает, безусловно, «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1753–1758), первое печатное издание, посвященное русской истории, написанное на русском языке и опубликованное в России. Указанный источник содержит 98 употреблений. На втором месте по количеству словоформ стоит группа из 4 текстов, условно называемая «Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера» (1749–1750 гг.) – 61 словоупотребление. В этих текстах отметим употребление слова *неславенский* в сочетании *неславенское имя*: «Имена князей, которые пришли от варягов, признает <Г. Ф. Миллер. – С. В.> за неславенские, не зная того, что Осколд реченье есть славенское и значит обоюдный топор»¹¹.

Среди филологических трудов М. В. Ломоносова по употребительности первое место занимает, конечно, «Российская грамматика» (1754–1755) – 27 употреблений, в том числе 2 употребления в составе словосочетания *славенская грамматика*, т. е. грамматика славенского языка Мелетия Смотрицкого. Всего же книга М. Смотрицкого упоминается в доступных для электронной выборки текстах М. В. Ломоносова 5 раз, притом 2 раза упоминания носят полемический характер, и оба раза касаются непосредственно славенского языка.

Почетное второе место среди филологических текстов М. В. Ломоносова занимает один из самых известных и цитируемых текстов – «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758) – 23 употребления. Заметим в заключение, поскольку этот текст был нами упомянут выше, что в корпусе черновых рукописей М. В. Ломоносова, объединяемых обычно под названием «Материалы к Российской грамматике», содержится 16 употреблений рассматриваемого слова. Итак, перечисленные тексты содержат 224 словоформы *славенский*, что составляет 90%.

2. Покажем хронологию употребления прилагательного *славенский* в трудах Ломоносова относительно фактов его биографии (лингвобиографический аспект истории слова), обращаясь за данными к двум авторитетным изданиям: «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова»¹² и «Летописи

¹¹ Ломоносов М. В. [Репорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.] // Там же. Т. 6. С. 19. (здесь и далее в прямых скобках приводятся наименования текстов М. В. Ломоносова, присвоенные им редакцией АПСС).

¹² Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова: [К 250-летию со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова, 1711–1961] / под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского, В. Л. Ченакала. М., 1961.

си Российской академии наук»¹³, а также пользуясь сведениями АПСС. Первый раз это слово встречается в тексте, как будет показано далее, в 1739 году («Письмо о правилах российского стихотворства»): Ломоносов в это время еще находится в Германии. Количество словоупотреблений резко нарастает к концу 40-х годов восемнадцатого столетия (полемика со сторонниками «норманнской концепции»), а наибольшее их количество приходится на вторую половину 50-х годов, т. е. время создания «Российской грамматики», «Предисловия о пользе книг церковных» и «Древней российской истории». Одно из последних употреблений относится к 1760 году («Замечания на первый том “Истории Российской империи при Петре Великом” Вольтера»): «Имя *славенское esclavons* хотя у французов уже твердо вкоренилось и сочинитель не переменит, однако может припечатать следующее примечание. В греческом и латинском языке нет ни единого слова, ниже (в АПСС поставлено ударение. – С. В.) из имен собственных, которые бы двумя согласными *sl* начинались. И посему рассуждать должно, что слуху тех народов и языку сей выговор *славяне* был странен и труден»¹⁴. Последнее употребление – в октябре 1764 года, в «Записке о плане научных работ А.-Л. Шлёцера». Возможно, что в преддверии 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова будут обнаружены новые, не известные ранее, или опубликованы недоступные нам сейчас материалы и документы, которые позволят конкретизировать предложенную хронологию. Дополнительные факты и сведения для ее уточнения также могут быть получены по завершению проекта по созданию интернет-версий в pdf-формате изданий собраний сочинений М. В. Ломоносова 1751, 1757–1759, 1778 и 1784–1787 годов, осуществляемого Научной библиотекой им. М. Горького СПбГУ. Таким образом, проблемы, связанные со славянским миром и славянским языком, стали в начале 60-х годов меньше привлекать внимание М. В. Ломоносова. Возможно, главной причиной этого было завершение формирования культурного синтеза в середине XVIII столетия, который привел «к возникновению единой словесности, объединяющей в себе духовные и светские сочинения, а в языке – к развитию единого литературного языка, сочетающего церковнославянское и русское начала»¹⁵, т. е. языковой ситуации, вполне отвечавшей языковым воззрениям М. В. Ломоносова, но, может быть, отчасти обусловленной, как говорится, «сменой внут-

¹³ Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1.

¹⁴ Ломоносов М. В. [Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 362.

¹⁵ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 418.

ренных приоритетов»: в начале 60-х годов Ломоносов руководит Географическим департаментом Академии, занимается делами Академической гимназии и университета, вновь обращается к проблемам мореплавания и навигации («Краткое описание разных путешествий по Северным морям»), интенсивно работает в домашней лаборатории. Много обременительных хлопот в этот период приносит Ломоносову Усть-Рудицкая фабрика, не ладится со здоровьем. Не следует забывать и о глубоком душевном кризисе Ломоносова в этот период. Полученные хронологические данные можно представить, условно положив началом 1739 год – год написания «Письма о правилах российского стихотворства». Более ранними фиксациями мы просто не располагаем, хотя следовало бы начать, наверное, со времени учебы Ломоносова в Славено-греко-латинской академии, сформировавшей языковые вкусы Ломоносова, а может быть, и с периода жизни в Холмогорах: не случайно в конце жизни Ломоносов пишет, что в филологических исследованиях ему «помогло совершенное знание российского и славенского языка, также и разумение других, им сродных диалектов, <...> и от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах»¹⁶. Узловыми моментами истории слова на фоне биографии Ломоносова будем считать 1) годы дискуссии с «норманистами» (1749–1750); 2) создание «Российской грамматики» (1754–1755); 3) работу над «Древней российской историей» (1754–1758) и «Предисловием о пользе книг церковных».

3. Представим краткую характеристику сочетаемости слова *славенский*. В сочинениях и документах М. В. Ломоносова данное прилагательное в качестве зависимого компонента входит в состав многочисленных субстантивных словосочетаний, при этом варьирующий номинативный компонент не бесконечен и насчитывает около 50 единиц. Среди них наиболее употребительными являются словосочетания *славенский язык* (70, т. е. 28% от общего количества), *славенский народ* (44, т. е. 17,7%), притом прилагательное употребляется достаточно часто в постпозиции к существительному, например, «Легко заключить можно, что народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было»¹⁷. В отдельную группу можно выделить сложные наименования терминологического характера, тематически связанные с филологическими исследованиями Ломоносова: *славенское речение* (10),

¹⁶ Ломоносов М. В. Записка о плане научных работ А.-Л. Шлёцера // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 429.

¹⁷ Ломоносов М. В. [Репорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.] // Там же. Т. 6. С. 21.

славенский глагол (9), славенская книга (8), славенское слово (2), славенское прилагательное (2), славенская азбука (2), славенское причастие, славенское спряжение, славенское склонение (1) и др., например: «Но притом проповеднику стараться должно, чтобы при важности и великолепии своем слово было каждому понятно и вразумительно. И для того надлежит убеждать старых и неупотребительных славенских речений, которых народ не понимает, но притом не оставлять оных, которые хотя в простых разговорах неупотребительны, однако знаменование их народу известно»¹⁸ или «Недивно, что в венгерском языке весьма много слов славенских; и потому древний их чудской язык весьма много изменился между славянами»¹⁹. Отметим в заключение появление в текстах М. В. Ломоносова ставшего достаточно частотным в русском языке последней трети XVIII века первое употребление в поэзии М. В. Ломоносова, как мы писали выше, в 1741 году сочетания *славенское племя* (13) и три употребления в тексте «Возражений на диссертацию Миллера» (1749) устойчивого словосочетания с глаголом в качестве опорного компонента *быть колена славенского* / *славенского колена* ‘являться славянином по происхождению, происходит из племени славян’, привлекающего внимание расширительным применением славянизма *колена*, служившего в языке XVIII века в т. ч. и для обозначения семейного родства²⁰, в том числе и дальнего (см. заметку М. В. Ломоносова, содержащую перечисление семантически близких слов: «колена, племена, роды, языки»²¹), для этнической и лингвоэтнической характеристики: «Варяги, называемые русь, *славенского колена*, <...> жившие на восточно-южных берегах Варяжского моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море»²².

4. С точки зрения значения прилагательное *славенский* представляет собой сложное диффузное целое, содержание которого (семема как комплексная совокупность всей информации, свойственной слову)²³ может быть представлено в виде множества взаимосвязанных и взаимодействующих

¹⁸ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Там же. Т. 7. С. 71.

¹⁹ Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого // Там же. Т. 6. С. 202.

²⁰ См. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. СПб., 1998. С. 89.

²¹ Ломоносов М. В. Материалы к «Российской грамматике» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 662.

²² Ломоносов М. В. [Возражения на диссертацию Миллера] // Там же. Т. 6. С. 33.

²³ Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 30.

щих семантических элементов с общим значением отношения и связи: *‘относящийся к славянам’*, *‘восходящий к славянам’*, *‘исповедуемый древними славянами’*, *‘осуществленный древними славянами’*, *‘состоящий, сформированный из представителей славянских племен’*, *‘принадлежащий славянам’*, *‘населенный славянским народом’*, *‘построенный славянами’*, *‘связанный происхождением со славянами’*, *‘полученный от славян’*, *‘связанный с церковнославянским языком’*, *‘употребительный в церковнославянском языке’*, *‘написанный на церковнославянском языке’* и др. (всего более 20). Некоторые из указанных элементов являются семантическими новациями для языка XVIII века. Трудно в формате научной статьи «объять необъятное» и дать подробное описание каждого (хотя все, безусловно, интересно), поэтому остановимся только на тех, которые позволяют показать этот материал как систему фрагментов, из которых складается получившая дальнейшее развитие (в том числе и в «Словаре Академии Российской») концепция славянского языка М. В. Ломоносова. Это, прежде всего, касается семантически доминирующего в текстах и документах Ломоносова элемента, реализующегося в лингвониме *славенский язык* (почти треть всех имеющихся употреблений). Здесь выделим две основные группы применений:

• **славенский язык** *‘язык, на котором в прошлом говорили славяне, общий для всех славян’*, а точнее – *‘общеславянский язык, носители которого – славянские племена – населяли обширную территорию Центральной, Восточной, Северо-Западной и Южной Европы’*, т. е. единый, коренной, изначальный общий язык всех славян: ср., например: «Язык славенский во времена Руриковы, а по свидетельству российских летописей и много прежде оно, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириною с полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Бела-озера; ибо им говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новгородские славяне, белоозерцы, суждальцы и проч.»²⁴, и далее: «Прежде Рурика и в его время, когда <...> народ и язык славенский весьма уже широко распространялся, тогда от Голстинии до устья реки Двины, по южному берегу Варяжскому живущие народы говорили языком славенским, чего еще и ныне имеются довольные и явственные знаки, то есть имена не токмо деревень, городов, рек, но и

²⁴ Там же. С. 28–29.

целых земель»²⁵. Таким образом, *славенский язык* в представлениях Ломоносова четко структурирован географически, занимает определенные территории и имеет достаточно широкий *ареал* распространения. Этот *ареал* устанавливается не только на основе данных, полученных М. В. Ломоносовым из сочинений античных и средневековых историков и географов (позволим себе сделать предположение, что отчасти и благодаря личному опыту – во время скитаний по Европе в несчастливые для него дни 1740 года он вполне мог встречаться и беседовать с представителями западнославянских народов), но и анализом топонимики, т. е. с помощью методов *лингвогеографии*: лингвистическая карта, таким образом, у Ломоносова накладывается на географическую карту. Далее, *славенский язык* у М. В. Ломоносова – это *устный* язык летописных мезазтнических групп или, в терминах современной этнолингвистики, *наречие*: на нем говорили, подчеркнем, именно *говорили* (ср. в «Предисловии о пользе книг церковных»: «славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли»²⁶) разные народы, приобщаемые М. В. Ломоносовым к славянскому миру: ср. контексты употребления словосочетания *славенский язык* в «Замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера» и в «Древней Российской истории»: «Рурик с родом своим ... *говорили языком славенским*», «роксолане были славяне ж и *говорили языком славенским*»; «весьма вероятно кажется, что варяги-русь и пруссы *говорили языком славенским*» (оценку справедливости этих утверждений оставим специалистам по истории и исторической этнографии). Кроме того, способность «говорить по-славенски», т. е. владение славянским языком как средством общения является для Ломоносова главным интегрирующим признаком установления принадлежности к славенскому народу, признаком этнической принадлежности. Далее, *особой* чертой славенского языка, в понимании Ломоносова, была *древность* его происхождения: это не просто язык, на котором говорили славяне «прежде Рурика», но весьма древний язык с многовековой историей, сравнимой с историей не только европейских, но даже латинского и греческого языков: «чтобы славенский язык толь широко распространился, надобно было весьма *долгое время* и *многие веки*, а особливо что славенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 587.

языком еще прежде рождества Христова»²⁷, также см. в третьей главе «Древней Российской истории»: «Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей <...> однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность»²⁸. Не будем останавливаться на том, что М. В. Ломоносов – создатель историко-генетической классификации современных славянских языков, произошедших от славенского («Материалы к Российской грамматике»), а сделаем еще одно, на этот раз последнее, замечание: если в 1739 году в «Письме о правилах российского стихотворства» студент Ломоносов пишет о том, что Овидий, будучи в ссылке в Томах, писал стихи на *старинном славенском*²⁹, а уже на исходе жизни, в «Отзыве о плане работ А.-Л. Шлёцера» (текст, правда, был написан Ломоносовым не на русском, а на латинском языке, поэтому приведем и латинский оригинал, и русский перевод, выполненный академическим переводчиком – современником Ломоносова) повторяет, что А.-Л. Шлёцер должен думать «о древнем славенском языке и о себе иначе, нежели о природных российских ученых...» (“Aliter equidem de antiqua lingua Slavica et de se ac de indigenis Rossis eruditus cogitare debet Schloezerus”)³⁰, то можно сделать вывод, что *древний славенский язык* и *славенский язык* – это два разных исторических состояния славенского языка, и следовательно, с точки зрения Ломоносова, славенский язык – это язык, имеющий эволюционный характер, исторически изменяющийся, прошедший несколько этапов развития;

• **славенский язык** ‘язык церковных книг, церковнославянский книжно-письменный литературный язык’ (воспользуемся здесь термином *церковнославянский* в понимании В. Ягича, А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого, Н.А. Мещерского; подробный обзор интерпретаций этого термина находим в монографии А. С. Герда³¹). Нас интересуют особенности словоупотребления М. В. Ломоносова, поэтому прежде всего следует отметить особое эмоциональное восприятие Ломоносовым славенского языка, яркую личную коннотацию глубокого уважения в семантическом композите этого словосочетания в пределах идиолекта М. В. Ломоносова:

²⁷ Ломоносов М. В. [Возражения на диссертацию Миллера]... С. 29.

²⁸ Ломоносов М. В. Древняя Российская история... С. 182.

²⁹ Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства... С. 10.

³⁰ Ломоносов М. В. Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера. 26 июня 1764 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 414, 412.

³¹ Герд А. С. Лингвистическая типология древнеславянских текстов. СПб., 2008. С. 114–116.

«чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание»³². Для Ломоносова славенский язык (или *славенский церковный язык*, как он уточнил в наброске программы своих филологических исследований³³, осуществив, таким образом, синтез этнического и функционального аспектов применения этого языка) – это прежде всего *язык церковной службы* («Пермяки слышат всегда божию службу на славенском языке уже весьма из давних лет»³⁴) и *язык богослужебных книг*, о чем он напоминает сторонникам норманнской теории в 1750 году: «O graeclarum linguae Russicae heroëm! qui nec id novit, quod omnes libri ecclesiastici et historici Slavonica lingua sint conscripti»³⁵. Благодаря переводу священных книг с греческого, славенский язык принимает от греческого «отменную красоту, изобилие, важность и силу»³⁶ (а российский язык, соответственно, как nasledующий славенскому, получает особое место среди литературных языков классицизма: «преимуществов российский язык перед многими нынешними европейскими»³⁷). И поэтому славенороссийскому народу, т. е. современникам Ломоносова и, особенно, юношеству, следует «прилежно читать славенские книги церковного круга и их держаться как великого сокровища, из которого знатную часть великолепия, красоты и изобилия великороссийский язык заимствует»³⁸. А. Н. Радищев писал по этому поводу: «частым чтением церковных книг он (Ломоносов. – С. В.) основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство Российского слова»³⁹.

В свете задач настоящего сборника наибольший интерес, как мы уже писали выше, представляет проблема преемственности, сохранения и передачи культурно-лингвистических знаний, «истории идей» на протяжении XVIII столетия, т. е. постижение того, что «Словарь Академии Российской»

³² Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке... С. 591.

³³ Ломоносов М. В. Филологические исследования и показания, к дополнению грамматики надлежащие // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 763.

³⁴ Ломоносов М. В. [Возражения на диссертацию Миллера]... С. 35.

³⁵ Ломоносов М. В. [Замечания на ответы Миллера] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. С. 50. Пер.: «О преславный знаток русского языка, не знающий даже того, что все церковные книги написаны на славянском языке» (автор перевода в АПСС не указан).

³⁶ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке... С. 587.

³⁷ Там же. С. 589.

³⁸ Ломоносов М. В. Проект регламента московских гимназий // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 458.

³⁹ Радищев А. Н. Слово о Ломоносове // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 382.

реально почерпнул у Ломоносова, насколько глубоко составители Словаря восприняли и усвоили патриотическую концепцию «славенского мира» и «славенороссийского» (т. е. слияния славенского и русского) литературного языка М. В. Ломоносова.

Известно, что в «Предисловии» к Словарю Академии Российской нет ни одного упоминания имени Ломоносова, хотя многие члены Российской академии знали его лично и хорошо были знакомы с его исследованиями и сочинениями, в том числе и с трудами по филологии и истории (объективности ради сделаем уточнение: в 1784 году по инициативе Е. Р. Дашковой Российская академия начала подготовку научного собрания сочинений М. В. Ломоносова). В тексте «Предисловия», тем не менее, содержится *имплицитные* указания на Ломоносова, своеобразный реферат его филологических трудов: ср., например, у Ломоносова в «Предисловии о пользе книг церковных»: «На нем (греческом языке. — С. В.), кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианские церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу»⁴⁰, и в «Предисловии» к «Словарю Академии Российской», написанном неперменным секретарем Академии И. И. Лепехиным: «Греки <...> явили неподражаемых творцов во всех родах красноречия, они витийствовали и в творениях церковных. Великие из них Христианские церкви учителя возвышали древнее свое красноречие богословскими учениями и парением усердного к Богу пения»⁴¹. Нет сомнения, что это почти цитата. Показательно, что в соответствии с пуристическими установками словаря слово *догмат* (даже у Ломоносова!) заменено словом *учение* в стиле лексических дублетов «Словаря Академии Российской»: *антагонист* — *противувдвижник*, *антипатия* — *противустрастие*, *арифметика* — *числословие*, *аристократия* — *вельможедержавие* и мн. др. Приведем еще два примера из «Предисловия», касающихся предмета нашей статьи — понятия «славенский язык» — и отчасти корреспондирующих с приведенными выше высказываниями Ломоносова: «Славенский Язык к древнейшим и коренным языкам относить должно» и «мы, преимущественно пред многими Европейскими народами, целость Славенского языка неизменно сохранили <и> книги писанные за многия столетия удобно разумеем»⁴². Таким образом, между Ломоносовым и «Словарем Академии Российской» существует

⁴⁰ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке... С. 587.

⁴¹ Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1. С. VII.

⁴² Там же. С. VI.

внутренняя, не гипотетическая, но *живая реальная* связь не только на уровне *текста*, но и на уровне заданного Ломоносовым культурного кода, на уровне концепции, на уровне микротекста, на уровне конкретного *слова* (некоторые слова с пометой «славенское» украшены в «Словаре Академии Российской» иллюстрациями из текстов М. В. Ломоносова: ср., например, **АЛЧБА** ... «нагота и алчба» (САР I 25), восходящее к «Слову похвальному Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, говоренному ноября 26 дня 1749 года»), а такие лингвонимы, как *славенский*, *славенороссийский*, *российский*, связывают живой нитью разные фазы историко-культурного контекста XVIII века.

